Метод Фрейда

Зигмунд Фрейд
Альфред Адлер

Характер и судьба

Метод Фрейда

Зигмунд Фрейд

Характер и судьба

«Алгоритм»

УДК 159.9
ББК 88.3

Фрейд З.

Характер и судьба / З. Фрейд — «Алгоритм», — (Метод Фрейда)

ISBN 978-5-907024-42-7

В книге собраны труды выдающихся психологов, посвященные роли судьбы в жизни человека. Зигмунд Фрейд (1856–1939), австрийский психоаналитик, основатель психоанализа, считал, что судьба жестко определена сложными сексуальными мотивами, скрытыми в подсознании индивидуума и задающими алгоритм его жизни.Альфред Адлер (1870–1937), вначале один из самых близких учеников Фрейда, затем разошелся с ним во взглядах, в том числе по поводу судьбы и характера человеческой личности. Адлер не отрицал связи между этими понятиями, но был уверен, что человек может изменить свою судьбу. Впрочем, он был согласен с Фрейдом в том, что большинство людей вообще никогда не задумываются о причинах своих поступков, не умеют анализировать настоящее и принимать уроки судьбы.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-907024-42-7

© Фрейд З.
© Алгоритм

Содержание

Зигмунд Фрейд 6
Несколько замечаний по поводу понятия «бессознательное» 6
Дефекация и денежный комплекс 11
О превращении влечений в особенности анальной эротики 13
Влечения и их судьба 17
Приспособление к реальности 29
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Зигмунд Фрейд, Альфред Адлер Характер и судьба. Можно ли разорвать цепь?

© Перевод с немецкого, 2018
© ООО «Издательство Родина», 2018

* * *

Зигмунд Фрейд
Бессознательное в характере и судьбе

Несколько замечаний по поводу понятия «бессознательное»

Я хотел бы в нескольких словах и по возможности яснее определить, какой смысл придается слову «бессознательный» в психоанализе, и только в одном психоанализе.

Какое-нибудь представление – или всякий другой психический элемент – может в настоящую минуту присутствовать в моем сознании, а в следующую исчезнуть из него; по истечении определенного промежутка времени оно может снова возникнуть, как мы говорим, благодаря воспоминанию, а не вследствие нового восприятия. Считаясь с этим фактом, мы должны предполагать, что и в течение всего промежуточного периода времени представление это оставалось в нашей душе, хотя оно и было в латентном состоянии сознания.

Но у нас не может возникнуть никаких предположений относительно того, в какой форме оно могло бы существовать в нашей душевной жизни, оставаясь в то же время латентным в сознании. В этом вопросе мы должны быть готовы услышать возражение со стороны философов, что латентное представление существовало не как психологический объект, а только как физическое предрасположение к возобновлению того же психического явления, а именно: этого самого представления. На это мы можем ответить, что такая теория, собственно, далеко переходит границы психологии, что она просто обходит проблему, придерживаясь взгляда, что «сознательное» и «психическое» тождественные понятия, и что эта теория, очевидно, неправа, отрицая за психологией право объяснить своими собственными средствами такое обычное явление в ее области, как память.

Мы хотим назвать «сознательным» представление, присутствующее в нашем сознании и воспринимаемое нами, и только в этом смысле понимать выражение «сознательное»; в противоположность этому должны быть обозначены термином «бессознательные» латентные представления, когда у нас есть основание предполагать, что они существуют в душевной жизни, как, например, в памяти.

Бессознательным представлением, следовательно, будет такое, которое мы не замечаем, но существование которого мы все-таки готовы допустить на основании других признаков и доказательств.

В этом можно было бы видеть совершенно неинтересную описательную или классификаторскую работу, если бы у нас не было других данных для суждения, кроме факта памяти или ассоциаций через посредство бессознательных их звеньев. Но общеизвестный опыт послегипнотического внушения учит нас тому, как важно отличать «сознательное» от «бессознательного» и насколько существенно такое различие.

При этом эксперименте, как его производил Bernheim, испытуемого приводят в гипнотическое состояние, а затем будят. В то время как этот человек находится под влиянием врача в гипнотическом состоянии, врач ему внушает совершить какой-нибудь поступок в точно определенный срок, например через полчаса. По пробуждении кажется, что гипнотизированный снова пришел в полное и обычное состояние сознания – у него нет воспоминания о гипнотическом состоянии; несмотря на это, в определенный момент в нем вдруг возникает импульс к тому, чтобы совершить то или другое действие – что он и совершает в полном сознании, хотя сам не знает почему. Едва ли можно описать это явление иначе, чем такими словами: намерение это существовало у данного лица в латентной форме, или бессознательно, до наступления

ранее внушенного момента, когда оно было осознано. Однако это намерение возникло в сознании не со всеми подробностями, а в виде представления о действии, которое предстоит выполнить. Все другое – идеи, ассоциативно связанные с этим представлением, внушение, психическое воздействие врача, воспоминание о гипнотическом состоянии – так и остается при этом неосознанным.

Данный опыт может научить нас еще большему. От чисто описательного он приводит нас к динамическому пониманию явления. Идея внушенного в гипнозе действия в определенную минуту не только стала объектом сознания, но она сделалась также действенной, а это и есть самая замечательная сторона такого факта: она перешла в действие, как только возникла в сознании. Так как настоящим побуждением к действию является внушение врача, то нет возможности допустить что-либо иное, как только то, что внушенная идея стала действенной.

Однако сама эта идея не проникла в сознание, так как это произошло с ее дериватом – идеей действия; она осталась бессознательной и оказалась одновременно и действенной, и бессознательной.

Послегипнотическое внушение представляет из себя продукт лаборатории, искусственно созданное явление. Но если мы примем теорию истерических явлений, предложенную впервые P. Janet и разработанную Breuer'ом и мною, то в нашем распоряжении окажется множество фактов, отличающихся психологическими признаками послегипнотического внушения в еще более ясной и очевидной форме.

Душевная жизнь истеричного больного полна действенных, но бессознательных мыслей: от них происходят все симптомы. Действительно, самую замечательную особенность истерического состояния психики составляет то, что она находится во власти бессознательных представлений. Если у истерической женщины наблюдается рвота, то это может произойти под влиянием мысли о беременности. И тем не менее такая женщина ничего не знает об этой идее, хотя посредством одного из технических приемов психоанализа мысль эта легко может быть открыта в ее душевной жизни и сделана доступной ее сознанию. Если она проделывает все судороги и жесты, составляющие «припадок», то она вовсе не представляет себе в своем сознании тех действий, которые она намеревается выполнить, и наблюдает их, быть может, с чувством безучастного зрителя. Тем не менее анализ может доказать, что она разыгрывает свою роль, воспроизводя в драматической форме сцену из своей жизни, воспоминание о которой было бессознательно, но действенно во время припадка. То же преобладание действенных бессознательных идей открывается психоанализом как сущность психологии всех других форм невроза.

Итак, из анализа невротических явлений мы узнаем, что латентная, или бессознательная, мысль не должна быть непременно слабой; далее, присутствие такой мысли в душевной жизни может быть доказано не прямым путем, но почти так же убедительно, как если бы это прямо доказывалось нашим сознанием. Мы считаем себя вправе привести нашу классификацию в соответствие с расширением наших знаний, основываясь на различии между этими двумя видами латентных и бессознательных мыслей. Мы привыкли думать, что всякая латентная мысль была такою вследствие своей слабости и становилась сознательной, как только приобретала силу. Теперь же мы убедились, что существуют такие латентные мысли, которые не проникают в сознание, как бы сильны они ни были. Поэтому мы считаем уместным назвать латентные мысли первой группы предсознательными, сохраняя выражение бессознательные (в настоящем смысле слова) для второй группы, наблюдаемой нами при неврозах. Выражение «бессознательный», употребляемое нами до сих пор только в описательном смысле, получает теперь более расширенное значение. Оно обозначает теперь не только латентные мысли, а особенные, отличающиеся определенным динамическим признаком, а именно такие, которые остаются вдали от сознания, несмотря на свою интенсивность и действенность.

* * *

Прежде чем продолжать свое изложение, я хочу коснуться двух возражений, которые считаю весьма вероятными в этом пункте. Первое может быть сформулировано следующим образом: вместо того чтобы допустить гипотезу о бессознательных мыслях, о которых мы ничего не знаем, не лучше ли нам предположить, что сознание может быть разделено, так что отдельные мысли или другие душевные процессы могут образовать особое сознание, отделенное от главного ядра сознательной психической деятельности и чуждой ей. Общеизвестные патологические случаи, как, например, случай доктора Azam, очень убедительно доказывают, что идея разделения сознания не является пустой фантазией.

Я позволю себе упрекнуть эту теорию в том, что она базируется на злоупотреблении словом «сознательный». Мы не имеем права так расширить смысл слова «сознательный», чтобы обозначать им и такое сознание, о котором обладатель его ничего не знает. Если философы видят затруднение в том, чтобы допустить существование бессознательной мысли, то существование бессознательного сознания кажется мне еще более спорным. Случаи, приводимые как пример разделения сознания, вроде случая доктора Azam, могли бы скорее рассматриваться как передвижение сознания, состоящее в том, что эта функция или что-то в этом роде колеблется между двумя психическими комплексами, которые становятся поочередно сознательными и бессознательными.

Второе предполагаемое мною возражение может заключаться в том, что мы применяем к психологии нормальных людей те следствия, к которым привело нас изучение патологических состояний. На это мы можем возразить указанием на факт, ставший известным для нас благодаря психоанализу. Известные нарушения функций, случающиеся очень часто у здоровых людей, например Lapsus linguae, ошибки памяти и речи, забывание имен и т. д., могут быть легко объяснены влиянием сильных бессознательных мыслей точно так, как невротические симптомы. А в дальнейшем изложении мы еще встретимся со вторым, более убедительным доказательством.

Придерживаясь разделения на предсознательные и бессознательные мысли, мы можем оставить область классификаций и составить себе определенное представление о функциональном и динамическом отношениях в душевной деятельности. Мы нашли действенное предсознательное, которое переходит без всяких затруднений в сознание, и действенное бессознательное, остающееся бессознательным, как бы отрезанным от сознания.

Мы не знаем, идентичны ли эти два вида психической деятельности с самого начала или же они по существу своему противоположны; но мы можем поставить вопрос, почему они становятся различными в течение того времени, когда протекают психические процессы. На этот вопрос психоанализ немедленно дает нам ясный ответ. Продукты действенного бессознательного никоим образом не могут проникнуть в сознание, и, для того чтобы они смогли это сделать, необходимо известное усилие. Если мы пробуем сделать это на самих себе, то получаем ясное чувство отпора, который нужно преодолеть, а когда мы вызываем у наших больных такое стремление продуктов бессознательного проникнуть в сознание, то получаем вполне ясные признаки того, что называется сопротивлением. Таким образом мы узнаем, что бессознательная мысль исключается из сознания живыми силами, сопротивляющимися тому, чтобы она проникла туда, между тем как другим мыслям, предсознательным, эти силы не стоят на пути. Психоанализ не оставляет места никакому сомнению в том, что это недопущение бессознательных мыслей в сознание обусловлено исключительно заключающимися в содержании их тенденциями. Самая естественная и вероятная теория, которую мы при настоящем состоянии наших знаний можем построить, такова: бессознательное составляет регулярную неизбежную фазу в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый пси-

хический акт начинается как бессознательный и может таким и остаться или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание, в зависимости от того, наталкивается он на сопротивление или нет. Различие между предсознательной и бессознательной деятельностью не первичное, а образуется лишь после того, как начинает свою деятельность «отпор». Только тогда получает теоретическое и практическое значение различие между предсознательными мыслями, которые появляются в сознании и каждую минуту могут туда вернуться, и бессознательными мыслями, для которых это остается недоступным. Грубую, но довольно подходящую аналогию этого предполагаемого отношения сознательной деятельности к бессознательному представляет область обыкновенной фотографии. Первой стадией фотографии является негатив; каждый портрет должен непременно проделать этот «негативный процесс», и некоторые из этих негативов, выдержавшие испытание, допускаются до «позитивного» процесса, кончающегося портретом.

* * *

Различение предсознательной и бессознательной деятельности и познание разделяющей их грани вовсе не есть еще последний и самый значительный результат психоаналитического исследования душевной жизни. Существует психический продукт, который встречается у самых нормальных людей и тем не менее представляет собой разительную аналогию с самыми дикими продуктами бреда безумия, и был для философов так же непонятен, как и само безумие. Я подразумеваю сновидения. Психоанализ основывается на анализе сновидений; толкование сновидений является самой совершенной работой, сделанной до настоящего времени этой молодой наукой. Типичный случай образования сновидения может быть описан следующим образом: душевная деятельность в течение дня вызвала ход мыслей, сохранивших известную способность действия, благодаря чему на них не распространяется то общее понижение интереса, которое вызывает сон и составляет психическую подготовку к нему. В течение ночи этому ходу мыслей удается найти связь с каким-либо одним из бессознательных желаний, которые уже с самого детства всегда существовали в нашей душевной жизни, но обычно были вытеснены и исключены из сознания. Эти мысли, эти остатки дневной работы психики, усилившись благодаря такой бессознательной поддержке, становятся опять действенными и всплывают в сознании в виде сна. Таким образом, все сводится к троякого рода процессам:

1. Мысли претерпели те превращения, искажения и маскировки, посредством которых проявляется участие бессознательного в образовании сновидений.

2. Мыслям удалось завладеть сознанием в такое время, когда оно не должно быть им доступным.

3. Частица бессознательного проникла в сознание, что ей при обычных условиях не удалось бы.

Мы научились искусству находить «остаточные впечатления дня» (Tagesreste) и «скрытые мысли сновидения»; сравнивая их с «явным содержанием сновидения», мы получаем возможность составить себе представление о всех изменениях, которые с ними произошли, и выяснить те способы, посредством которых это произошло.

Латентные мысли сновидения, таким образом, не отличаются ничем от нашей обычной сознательной душевной деятельности. Они заслуживают названия предсознательных мыслей, и, действительно, в известные моменты в состоянии бодрствования они могут быть осознаны. Но благодаря связи с бессознательными стремлениями, возникшей в течение ночи, они ассимилировались с последними и низведены в известном смысле до состояния бессознательных мыслей, а потому подвержены законам, управляющим бессознательной деятельностью. Здесь мы имеем случай узнать то, до чего никогда не могли дойти путем теоретических соображений или из какого-нибудь другого источника эмпирических знаний, а именно: законы бессозна-

тельной душевной деятельности в очень многих отношениях отличаются от законов, которым подчинена деятельность сознания. Углубляясь в подробности, мы приобретаем знание особенностей бессознательного и можем надеяться, что основательное исследование процессов образования сновидений откроет нам еще больше.

Это исследование едва ли наполовину уже закончено, и невозможно изложить достигнутых до настоящего времени результатов, не углубляясь в чрезвычайно сложные проблемы толкования сновидений. Но я не хотел окончить свое изложение, не указав на те изменения и успехи в нашем понимании бессознательного, которым мы обязаны психоаналитическому изучению сновидений.

Бессознательное казалось нам сначала только загадочной особенностью известного психического процесса; теперь оно имеет для нас большее значение, являясь признаком того, что данный процесс принимает участие в природе определенной психической категории, знакомой нам по другим, еще более значительным характерным особенностям, и что он принадлежит системе психической деятельности, заслуживающей нашего самого серьезного внимания. Ценность бессознательного как показателя особой системы психики гораздо большая, чем его значение как качественной категории. Всей системе, которая дает нам о себе знать благодаря тому своему отличительному признаку, вследствие которого отдельные процессы, ее составляющие, бессознательны, мы даем имя «бессознательное» – за недостатком другого лучшего, менее двусмысленного выражения. Я предлагаю обозначать эту систему буквами Ubw, представляющими из себя сокращение слова «Unbewusst».

Это и есть третье и самое важное значение, которое приобрело в психоанализе название «бессознательное».

Дефекация и денежный комплекс (из статьи Зигмунда Фрейда «Характер и анальная эротика»)

…Что общего, казалось бы, между дефекацией и денежным комплексом? А между тем оказывается, что между ними много точек соприкосновения. Каждый врач, применяющий психоанализ, хорошо знает, что с помощью этого метода можно избавить нервных субъектов от самых упорных, застарелых, так называемых привычных запоров.

Это обстоятельство перестанет особенно удивлять нас, если мы вспомним, что внушение тоже способно хорошо влиять на эту функцию. С помощью психоанализа указанное действие достигается, однако, только в том случае, если мы коснемся денежного комплекса нашего пациента и побудим его отдать себе полный отчет в этом комплексе во всех его отношениях. Людей, слишком боязливо расходующих свои деньги, в просторечии называют «грязными», или «валяными» (schmutzig – грязный, filzig – валяный, английское слово «filthy» тоже значит грязный). Может показаться, что в данном случае психоанализ просто подхватывает намек обыденной речи. Однако подобный взгляд был бы слишком поверхностен.

Архаический способ мышления во всех своих проявлениях постоянно приводит в самую тесную связь – деньги и нечистоты: так обстоит дело в древних культурах, в мифах и сказках, в суеверных обычаях, в бессознательном мышлении, в сновидениях и при психоневрозах. Дьявол дарит своим любовницам золото, а после его ухода оно превращается в куски кала: образ дьявола, конечно, не что иное, как олицетворение бессознательной душевной жизни с ее подвергнувшимися вытеснению инстинктивными влечениями. Существует суеверие, приводящее в связь процессы дефекации с находками кладов, а фигура «Dukatenscheissers» (непереводимое выражение, обозначающее человека, испражнения коего состоят из дукатов) известна всем и каждому. Уже по древневавилонскому вероучению «золото только адские извержения – Mammon-ilu man-man» (по-вавилонски man-man – это эпитет Нергала, бога преисподней. По восточному мифу, мигрировавшему в саги и сказки других народов, золото не что иное, как нечистоты или адские извержения).

В тех случаях, когда психоневротическое заболевание подражает разговорному языку, оно всегда берет слова в их смысле, там же, где получается впечатление, будто заболевание как бы наглядно изображает перед нами какое-либо слово или выражение, оно в действительности обычно только восстанавливает первичное значение этого слова.

Это условное отождествление золота и кала, может быть, находится в связи с переживанием резкого контраста между самым ценным, что известно человеку, и вовсе лишенным ценности, рассматриваемым как «отбросы».

В психоневротическом мышлении это приравнивание облегчается еще за счет следующего обстоятельства: примитивный эротический интерес к дефекации обречен, как мы уже знаем, на исчезновение в более зрелом возрасте, а в этом возрасте складывается интерес к деньгам, в детстве еще не существовавший; примитивному влечению, утрачивающему свой объект, таким образом, облегчается нахождение себе новой цели именно в этом вновь возникающем интересе к деньгам.

Подобный «анальный характер» можно отметить у тех лиц, у которых анальная зона сохранила свое эрогенное значение и в зрелом возрасте, как, например, у некоторых гомосексуальных субъектов. Если я не слишком заблуждаюсь, это наше заключение вполне подтверждается эмпирически.

Следовало бы вообще обратить внимание и на другие виды характеров и выяснить, нет ли и в иных случаях связи с определенными эрогенными зонами. Мне лично до сих пор бро-

силось в глаза только то, что субъекты, страдавшие недержанием мочи, отличаются непомерным, пламенным честолюбием. Дефинитивный характер и способ его развития из первичных влечений – тема эта может быть охвачена следующей формулой: дефинитивные особенности характера или представляют собой неизменно продолжающие свое существование первичные влечения, продукты их сублимирования, или же являются новообразованными, имеющими значение реакции на эти влечения.

* * *

P.S. Маловдумчивых читателей статьи о теории сексуальности задели мои замечания об анальной эротике грудных детей, поэтому приведу здесь в качестве интересного примера наблюдение, сделанное одним из моих пациентов, человеком очень интеллигентным. Один знакомый прочел исследование о теории сексуальности и, высказываясь по поводу одной книги, говорит, что вполне согласен с нею, однако отмечает в ней одно-единственное место, показавшееся ему до такой степени комичным и странным, что он, что называется, присел и с четверть часа хохотал до упаду. Вот это место: «Если грудной ребенок упорно отказывается опорожнять свой кишечник, когда его сажают на горшок, и предпочитает исправлять эту функцию, когда вздумается ему самому, а не ухаживающим за ним лицам, то это один из лучших предвестников нервности или анормальности в будущем этого ребенка. При этом, конечно, у ребенка вовсе нет желания запачкать свою постель, он старается только, чтобы у него не пропало то особое наслаждение, которое он попутно извлекает из акта дефекации».

Мой знакомый представил себе восседающего на горшке грудного младенца, занятого обсуждением того, может ли он защитить подобное стремление своей свободной воли, а кроме того, озабоченного также и тем, чтобы не упустить связанного с дефекацией удовольствия. Вот эта картина и привела его в веселое настроение. Однако минут через двадцать приятель мой вдруг рассказал мне следующее, причем без всяких посредствующих звеньев (без всякого внешнего повода): «Слушай, вот передо мною стоит какао, и мне пришла в голову идея, постоянно занимавшая меня, когда я был ребенком. Я то и дело воображал, что я фабрикант какао van Houten (он произнес “van Haut’n” – ван Хаутн), что я обладаю замечательным секретом изготовления этого какао и что все окружающие хотят вырвать у меня эту тайну, способную осчастливить целый мир, я же берег ее самым тщательным образом. Почему я напал именно на van Hout’en, я не знаю. Мне, верно, понравилась реклама этой фирмы». Я рассмеялся и спросил его: «Wann hant’n die Mutter?» (Игра слов: van Houten – van Hauten – wann haut’n + die Mutter; последняя угроза означает: когда же мать бьет?)

Сказал я это, в сущности, совершенно просто, не имея в виду ничего особенного, и лишь немного спустя я понял, что моя игра слов в действительности содержала в себе ключ к этому внезапно всплывшему воспоминанию детства. Я вижу в этом воспоминании блестящий пример маскирующей фантазии, возникшей на звуковых ассоциациях («Какао», wann haut’n); фантазия эта сохранила фактический момент (процесс питания), однако произвела полную переоценку всего содержания воспоминания и успокоила таким образом чувство вины (выделение пищи превращается в прием пищи, вызывающее стыд и подлежащее поэтому маскированию воспоминание превратилось в способную осчастливить весь мир).

О превращении влечений в особенности анальной эротики

Несколько лет тому назад психоаналитические наблюдения заставили меня предположить, что постоянное совпадение трех черт характера – порядочности, бережливости и своенравия – указывают на усиление анально-эротических компонентов в сексуальной конституции таких лиц. В процессе развития у этих лиц образовались такие предпочтительные способы реакций благодаря рассасыванию их анальной эротики.

Тогда мне было важно опубликовать открытую мною фактическую связь; теоретическая же оценка ее меня интересовала мало. С тех пор стало общепринятым мнение, что каждая из этих трех черт характера, как то: скупость, педантичность и упрямство – исходят из источников влечений анальной эротики, или, выражаясь более осторожно и полно, получают из этих источников большие добавления энергии. Случаи, которым соединение трех упомянутых недостатков придает анальный характер, были только самыми яркими, и в них интересующая нас связь бросалась в глаза даже поверхностным наблюдателям.

Несколько лет спустя под влиянием особенно убедительного аналитического опыта я сделал на основании большого количества впечатлений вывод, что в развитии либидо человека нужно допустить «прегенитальную организацию», предшествующую фазе генитального примата, в которой руководящую роль играют садизм и анальная эротика.

С тех пор стал неизбежен вопрос о том, куда деваются анально-эротические влечения. Какова их участь после того, как они лишились своего значения в сексуальной жизни благодаря образованию окончательной генитальной организации? Сохраняются ли они неизмененными, но в состоянии вытеснения, подвергались ли сублимированию или поглощению, превратившись в определенные черты характера, или они влились в новую форму сексуальности, предопределенную приматом гениталий? Или скажу лучше, так как вряд ли можно допустить, чтобы на долю этих влечений выпала только одна из перечисленных возможностей, то возникает вопрос, в каком объеме и каким образом распределяются эти возможности при решении судьбы анальной эротики, органические источники которой не могут заглохнуть благодаря появлению генитальной организации?

Можно было бы подумать, что для ответа на эти вопросы не будет недостатка в материале, так как соответствующие процессы развития и превращения должны были совершаться у всех лиц, подвергавшихся психоаналитическому исследованию. Но в этом материале так трудно разобраться, – обилие повторяющихся впечатлений настолько путает, – что я и теперь еще не могу дать полного разрешения проблемы, а только материалы для выяснения этого вопроса. Поскольку это возможно в связи с нашей темой, я, пользуясь случаем, упомяну и о других превращениях влечений, не касающихся анальной эротики. Вряд ли следует еще раз подчеркивать, что здесь, как и в других случаях психоанализа, заключения об описываемых процессах развития сделаны из явлений регрессий, возникающих благодаря невротическим процессам.

* * *

Исходным пунктом этого изложения может послужить тот кажущийся факт, что в продуктах бессознательного – в фантазиях, в симптомах, приходящих в голову мыслях – плохо различаются следующие понятия: кал (деньги, подарок), ребенок и penis, легко заменяющие друг друга. Выражаясь таким образом, мы, разумеется, прекрасно сознаем, что неправильно переносим на бессознательное значения, употребляемые в других областях душевной жизни, и соблазняемся преимуществом, которое заключается во всяком сравнении. Повторим поэтому ту же мысль в форме, не допускающей возражения, именно, что в бессознательном с этими

элементами дело происходит таким образом, как будто бы они были эквивалентны друг другу и свободно могут заменить один другой.

Легче всего это видеть в связи между «ребенком» и «penis'ом». Не совсем безразлично то обстоятельство, что оба слова в символическом языке сновидений и в повседневной жизни заменяются одним общим символом. Ребенок, как и penis, называется «малым» (das «Kleine»). Известно, что символический язык часто пренебрегает различием полов: «малый», обозначавший первоначально мужской орган, может вторично приобрести значение женских гениталий. Если достаточно глубоко исследовать невроз какой-нибудь женщины, то нередко встречаешься с вытесненным желанием обладать, как мужчина, penis'ом. Случайные неудачи в жизни женщины, часто являющиеся следствием сильно выраженной мужской натуры, снова оживили это детское желание, причисляемое нами к кастрационному комплексу, как «зависть из-за penis'a», и благодаря обратному течению либидо сделали это желание главным носителем симптомов болезни. У других женщин невозможно доказать присутствие такого желания обладать penis'ом; вместо него имеется желание иметь ребенка, и невозможность осуществления этого желания в жизни может вызвать невроз. Эти женщины как будто бы поняли, – а это не может служить настоящим мотивом, – что природа дала женщине ребенка взамен penis'a, в котором ей должно было быть отказано.

От других же женщин узнаешь, что в детстве у них были оба желания и одно сменило другое. Сперва они хотели иметь penis, как мужчина, а в более поздний, но все еще детский период на смену выступило желание иметь ребенка. Нельзя отрицать впечатления, которое получаешь при анализе, что случайные моменты из жизни детства, присутствие или отсутствие братьев, переживания в связи с рождением нового ребенка в соответственно благоприятном возрасте виновны в этом разнообразии, так что желание иметь penis, в сущности, тождественно с желанием иметь ребенка.

Мы можем указать, какая участь постигает инфантильное желание обладать penis'ом, если в последующей жизни не наступают благоприятные условия для развития невроза. Оно превращается в желание иметь мужа, оно мирится с мужем, как с придатком к penis'у. Благодаря такому превращению душевное движение, направленное против женской сексуальной функции, превращается в благоприятный ей момент. Для этих женщин таким образом открывается возможность любовной жизни по мужскому типу любви к объекту, который может проявиться наряду с женским типом, исходящим из нарциссизма. Мы уже слышали, что в других случаях только ребенок делает возможным переход от нарциссической самовлюбленности к любви к объекту. Таким образом, и в этом пункте ребенок может быть заменен penis'ом.

Мне уже несколько раз представлялся случай познакомиться со сновидениями женщин после первого полового акта. В этих снах явно раскрывалось желание сохранить у себя penis, который они в себе почувствовали, т. е. эти сны независимо от либидозного своего основания соответствовали кратковременной регрессии с мужчины на penis как на объект желаний. Можно, конечно, подумать о том, чтобы это желание иметь мужа чисто рационалистически свести к желанию иметь ребенка, так как в известное время начинаешь понимать, что без участия мужа нельзя родить ребенка. Но скорее бывает так, что желание иметь мужа возникает независимо от желания иметь ребенка и что если такое желание появляется из вполне понятных мотивов, безусловно принадлежащих к психологии «Я», то к нему присоединяется старое желание иметь penis, как бессознательное либидозное усиление этого желания.

Значение описанного процесса состоит в том, что он переводит часть нарциссической мужественности молодой женщины в женственность и таким образом делает ее безвредной для женской сексуальной функции. Другим путем часть эротики прегенитальной фазы становится годной для использования в фазе генитального примата. Ребенок рассматривается как «лумпф» (кал), нечто, выделяемое через кишечник. Таким образом, известная сумма либидозной привязанности, направленная на содержание кишечника, может быть распространена

на ребенка, рожденного через кишечник. В языке доказательство идентичности ребенка и кала выражается в обороте речи – получить ребенка «в подарок» (Ein Kind schenken erhalten). Кал ведь представляет из себя первый подарок – частицу собственного тела, с которым младенец расстается только под влиянием требований любимого лица и при помощи которого он по собственному желанию проявляет свою нежность, так как чужих безразличных ему лиц он обыкновенно не пачкает. (Подобные же, хотя и не столь интенсивные реакции бывают с мочой.) При дефекации у ребенка проявляется первый выбор между нарциссической направленностью и любовью к объекту. Или он послушно отдает кал, «жертвует» его во имя любви, или удерживает его для аутоэротического удовлетворения, а позже для утверждения собственного желания. Когда выбор падает на последнее, то развивается упрямство (своенравие), которое происходит от нарциссической задержки на анальной эротике.

* * *

Весьма вероятно, что не золото – деньги, а подарок является ближайшим выражением, на которое переходит интерес к калу. Ребенок не знает других денег, кроме тех, которые ему дарят, незаработанных, несобственных, полученных в наследство. Так как кал является его первым подарком, то он легко переносит свой интерес на новый, в котором открывает самый важный подарок в жизни. Кто сомневается в таком происхождении подарка, пусть призовет на помощь свой опыт в психоаналитическом лечении, пусть исследует подарки, которые он получает от больного как врач, и пусть обратит внимание на бурный взрыв перенесения, который он может вызвать у пациента подарком.

Интерес к калу переносится, таким образом, отчасти на интерес к деньгам, другая же часть переводится в желание иметь ребенка. В этом желании иметь ребенка сходятся побуждения анально-эротическое и генитальное (зависть из-за penis'a). Но penis имеет также анально-эротическое значение, независимое от интереса к ребенку. Отношение между penis'ом и заполненной и возбужденной им полостью слизистой оболочки имеет свой прообраз в прегенитальной садистической анальной фазе развития. Кусок кала, или, по выражению одного пациента, «каловая палочка», представляет из себя первый penis, а раздраженная им слизистая оболочка – выходное отверстие кишечника.

Есть лица, у которых анальная эротика остается неизменной и сильно выраженной до возраста, предшествующего половой зрелости, 10–12 лет; от них можно узнать, что во время этой прегенитальной фазы у них в фантазиях и извращенных играх проявилась организация, аналогичная генитальной, в которой каловая палочка и кишечник заменяли penis и вагину. У других невротиков, страдающих навязчивостью, можно познакомиться с результатом регрессивного унижения генитальной организации. Она выражается в том, что все фантазии, созданные сначала генитально, переводятся в анальную область, penis заменяется каловой палочкой, а вагина – кишечником.

Когда интерес к калу проходит нормальным образом, то изображенная здесь органическая аналогия содействует тому, что интерес переносится на penis. Если позже при сексуальном исследовании возникает мысль, что ребенок рождается из кишечника, то он становится главным наследником анальной эротики, но предшественником ребенка является penis и в том, и в другом смысле.

Я убежден, что в многообразных отношениях в ряду кал – penis – ребенок теперь очень трудно разобраться, и хочу поэтому помочь беде при помощи графического изображения, при обсуждении которого рассмотрю тот же материал, но в другом порядке. К сожалению, это техническое средство для наших целей недостаточно гибко, или мы еще не научились пользоваться им соответствующим образом. Во всяком случае, прошу не предъявлять строгих требований к прилагаемой схеме.

Из анальной эротики, нарциссически использованной, происходит упрямство как значительная реакция «Я» на требование посторонних; интерес к калу переходит в интерес к подарку, потом – в интерес к деньгам, С появлением знания о penis'е у девочки возникает зависть из-за penis'а, превращающаяся в желание иметь мужа как носителя penis'а. Еще раньше желание иметь penis превратилось в желание иметь ребенка, или желание ребенка заняло место желания иметь penis. Органическая аналогия между penis'ом и ребенком (штриховая линия) выражается в обладании, свойственном обоим символам («малый»). От желания ребенка рационалистический путь (двойная линия) ведет к желанию иметь мужа. Значение этого превращения влечений мы уже оценили.

Другую часть описанной связи гораздо легче открыть у мужчины. Она проявляется тогда, когда сексуальные исследования ребенка открывают отсутствие penis'а у женщины. В penis'е узнается, таким образом, нечто такое, что может быть отделено от тела, и тогда появляется аналогия между ним и калом, представляющая из себя первую часть телесности, от которой пришлось отказаться. Старое анальное упрямство переходит, таким образом, в организацию кастрационного комплекса. Органическая аналогия, согласно которой содержание кишечника представляло предшественника penis'а во время прегенитальной фазы, не может как мотив приниматься в расчет; но при посредстве сексуального исследования эта аналогия находит психическую замену.

Когда появляется ребенок, в нем видят, благодаря сексуальному исследованию, «лумпф» и относятся к нему с большим анально-эротическим интересом. Желание иметь ребенка получает второй приток из того же источника, когда социальный опыт научает, что на ребенка можно смотреть как на доказательство любви, как на подарок. Все три – столбик кала, penis и ребенок – представляют из себя твердые тела, возбуждающие при своем входе или выходе слизистую оболочку (выходное отверстие кишечника и, по удачному выражению Lou Andreas-Salome, как бы снятую у него внаем вагину).

Влечения и их судьба

Нам часто приходилось слышать, что наука должна строиться на основании ясных и точно определенных исходных положений. В действительности никакая, даже самая точная наука не начинает с таких определений. Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, находящихся, несомненно, вне нового опыта. Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки, при дальнейшей обработке материала.

Сначала они поневоле должны оставаться в известной мере неопределенными; о ясном и точном ограничении их содержания не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, смысл их определяется постоянной ссылкой на материал опыта, на основании которого они как будто бы создаются, между тем как на самом деле материал этот им подчиняется. Строго говоря, они имеют характер условности, при этом, однако, главная суть заключается в том, что они не выбираются произвольно, а решающее значение при выборе имеет их отношение к эмпирическому материалу, которое предполагается еще раньше, чем его можно точно узнать и доказать. Лишь после того, как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее основные научные понятия и последовательно так изменять их, чтобы можно было применять их в большом объеме и освободить их вполне от противоречий. Тогда окажется своевременной формулировка их в точных определениях. Но прогресс познания не терпит и закоренелости формальных определений. Как показывает блестящий пример физики, и сформулированные в точных определениях основные понятия подвержены постоянному изменению своего содержания.

Таким условным основным понятием, пока еще довольно туманным, но в психологии незаменимым, является влечение. Попробуем с различных точек зрения определить его содержание.

Сначала со стороны физиологии. Она дала нам понятие о раздражении и о рефлекторной схеме, по которой внешнее раздражение, действующее на живую ткань (или нервное вещество), посредством движения переводится наружу. Это движение целесообразно, так как избавляет раздражаемое вещество от действия раздражителя, удаляет это вещество из среды влияния раздражения.

Как же относится «влечение» к «раздражению»? Ничто не мешает нам подвести понятие о влечении под понятие раздражений: влечение есть раздражение для психического. Но с самого начала мы не станем отождествлять влечение и психическое раздражение. Несомненно, что для психического имеются еще и другие раздражения, кроме раздражений влечений, такие раздражения, которые имеют гораздо больше сходства с физиологическими. Если, например, на глаз попадает яркий свет, то это не будет раздражением характера влечения; но таковым будет сухость слизистой оболочки глотки или раздражение кислотой слизистой оболочки желудка.

Итак, у нас имеются фактические данные отличать раздражения влечений от раздражений иного рода (физиологических), влияющих на психику (в тех случаях, разумеется, когда эти внутренние процессы являются органической основой потребностей – жажды и голода).

Во-первых, раздражение влечения исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Поэтому оно и влияет иначе на психику и для устранения своего требует иных действий. Далее: все существенное для характеристики раздражения заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство от источника раздраже-

ния. Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничего не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда постоянной силы. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство. Раздражение влечения лучше называть «потребностью», а то, что удовлетворяет этой потребности, «удовлетворением». Оно может быть достигнуто только целесообразным (адекватным) изменением источника внутреннего раздражения.

* * *

Вообразим себя в положении почти совершенно беспомощного, не ориентирующегося в мире живого существа, воспринимающего раздражения при помощи нервной системы. Это существо скоро окажется в таком положении, что должно будет начать различать воспринимаемые им раздражения и ориентироваться в них.

С одной стороны, оно будет воспринимать раздражения, от которых сможет избавиться посредством мускульного действия (бегства), и эти раздражения оно будет относить к внешнему миру; а с другой стороны, оно будет испытывать и такие раздражения, по отношению к которым такое действие окажется бесполезным, которые, несмотря на это действие, сохраняют свой характер непрерывного напряжения; эти раздражения являются признаком внутренней жизни, доказательством потребностей влечения. Воспринимающее вещество живого существа сможет, в зависимости от действительности своей мускульной деятельности, различать «внешнее» и «внутреннее».

Мы сначала открываем сущность влечения в его главных признаках, в происхождении из источника раздражения внутри организма, в проявлении в виде постоянной силы, и отсюда выводим один из его дальнейших признаков, состоящий в том, что бегством невозможно избавиться от его действия. При этом изыскании наше внимание должно было быть обращено на одно обстоятельство, заставляющее нас еще кое в чем признаться. Мы не только привносим в материал нашего опыта известные условности в виде основных положений, но пользуемся также некоторыми сложными предположениями, чтобы руководствоваться ими при научной обработке мира психологических явлений. На самое важное из этих предположений мы уже указали, остается только особо подчеркнуть его. По природе своей оно относится к области биологии, пользуется понятием тенденции (или же целесообразности) и гласит: нервная система представляет из себя аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до нее раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня, или же, если бы это только оказалось возможным, этот аппарат стремится к тому, чтобы вообще избегать каких-либо раздражений.

Пусть нас пока не смущает неопределенность этой идеи, и припишем нервной системе назначение следующее: справляться с раздражениями. Тогда мы замечаем, насколько введение влечений усложняет простую физиологическую рефлексорную схему. Внешние раздражения выдвигают задачу избавиться от них, а это совершается посредством мускульных движений, из которых одно в конце концов достигает цели и, как целесообразное, становится наследственным предрасположением. Возникающие внутри организма раздражения влечений не могут быть устранены при помощи такого механизма. Они предъявляют к нервной системе гораздо более высокие требования, побуждают ее к сложным последовательным действиям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения; но главным образом они заставляют нервную систему отказаться от своей идеальной цели – устранения всяких раздражений, так как неизбежно поддерживают беспрерывный приток. Мы имеем поэтому основание заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражения, являются настоящим двигателем прогресса, который довел до современной

высоты развития столь бесконечно работоспособную нервную систему. Разумеется, ничто не мешает полагать, что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе.

Если мы, далее, находим, что и деятельность самых высоких по своему развитию душевных аппаратов также подчиняется принципу наслаждения, т. е. автоматически регулируется ощущениями наслаждения и неудовольствия, неприятности, то мы с трудом сможем отказаться от дальнейшего предположения, что эти ощущения отражают именно тот способ, посредством которого происходит преодоление раздражения. Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения – с понижением его. Но мы не должны забывать, что это предположение содержит очень большую неопределенность до тех пор, пока нам не удастся постичь, какого рода взаимоотношения существуют между приятным-неприятным и колебаниями в величине действующего на душевную жизнь раздражения. Несомненно, что тут возможны очень разнообразные и далеко не простые отношения.

Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то «влечение» покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренностей тела и проникающих в душу, мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим.

* * *

Далее мы можем обсудить некоторые термины, употребляемые по отношению к понятию влечения, как то: импульсивное напряжение, цель, объект, источник влечения.

Под напряжением влечения понимают его двигательный момент, сумму силы или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет. Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их. Влечение представляет из себя известную долю активности; если, не совсем точно выражаясь, говорят о пассивных влечениях, то под этим можно понимать только влечения с пассивной целью.

Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения. Но если даже эта конечная цель и остается неизменной для всякого влечения, то все же к одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга. Опыт позволяет нам говорить о влечениях с задержкой в достижении цели при таких процессах, при которых допускается известная часть удовлетворения влечения, а затем наступает задержка или отклонение от цели. Можно допустить, что и с такими процессами все же связано частичное удовлетворение.

Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение. Объектом не должен быть непременно посторонний предмет, а может быть также и часть собственного тела. В течение жизненной эволюции влечения объект может меняться сколько угодно раз; эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль. Может случиться и так, что один и тот же объект служит одновременно для удовлетворения нескольких влечений: по А. Адлеру, это случай сплетения влечений. Особенно тесная привязанность влечения к объекту отмечается термином фиксации. Часто такая фиксация создается в очень раннем периоде развития влечения, и этим кладется

конец его подвижности, так как такая фиксация очень сильно сопротивляется отделению влечения от объекта.

Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли это процесс химический или он может соответствовать также и развитию других, например механических, сил. Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет самый решающий признак влечения, в душевной жизни мы его узнаём только по его целям. Для психологического исследования не требуется обязательно точного знания источников влечения. Иной раз можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источников.

Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отличаются различными качествами и поэтому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна? Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит только от заключающейся в них величины возбуждения, быть может, еще и от некоторых функции этой количественной величины. То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений. Значение качества влечения может быть, во всяком случае, разъяснено только в дальнейшем изложении.

Какие влечения могут быть допущены и в каком количестве? В этом отношении, очевидно, может иметь место большой произвол. Ничего нельзя возразить против употребления следующих понятий: влечение к игре, влечение к разрушению, влечение к общительности в тех случаях, когда этого требует предмет обсуждаемого вопроса и когда такое ограничение психологического вопроса допустимо. Однако нельзя терять из виду и вопроса о том, не допускает ли, с одной стороны, столь специализированная мотивировка влечений дальнейшего разложения в отношении источников влечения, так что определенное значение может быть признано только за первичными, в дальнейшем неразложимыми влечениями.

* * *

Я предложил различать две группы таких первичных влечений: влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Но это допущение не имеет значения необходимой предпосылки, как, например, предположение о биологической тенденции душевного аппарата (см. выше); это только вспомогательная конструкция, которая должна быть сохранена лишь до тех пор, пока она оказывается полезной, и замена которой какой-либо другой мало чем изменит результаты нашей описательной и классификационной работы. Поводом к такому допущению послужила история развития психоанализа, который первым объектом своего исследования сделал психоневрозы и именно ту их группу, которая должна быть названа «неврозами перенесения» (истерия, невроз навязчивости), и при этом пришел к выводу, что в корне всякого подобного заболевания лежит конфликт между требованиями сексуальности и «Я». Однако все же возможно, что более глубокое изучение других невротических заболеваний (в первую очередь нарцистических психоневрозов, шизофрении) заставит изменить эту формулу и сделать новую перегруппировку первичных влечений. Но в настоящее время нам неизвестна эта новая формула, и у нас нет ни одного довода, говорящего против такого противопоставления влечений «Я» и сексуальных.

Я вообще сомневаюсь, чтобы можно было на основании обработки психологического материала получить какие-либо решающие указания для разграничения и классификации влечений. Скорее кажется необходимым привнести для этой обработки к имеющемуся психоло-

гическому материалу определенные предположения относительно деятельности влечений, и было бы желательно, чтобы была возможность позаимствовать эти предположения из другой научной области и перенести их в психологию. То, что дает нам в этом отношении биология, несомненно, не противоречит такому разделению на влечения «Я» и сексуальные. Биология учит, что сексуальность нельзя поставить в один ряд с другими функциями индивида, так как тенденции ее идут дальше существования отдельного индивида – они имеют своим содержанием появление новых индивидов, то есть сохранение рода. Она показывает нам далее, что в одинаковой мере верно и правильно двоякое понимание взаимоотношений между «Я» и сексуальностью: согласно одному взгляду, главным является индивид, сексуальность представляет из себя только проявление его деятельности, а сексуальное удовлетворение – одну из потребностей его; согласно другому – индивид представляет из себя только временный и проходящий придаток к будто бы бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему родом.

Мнение, что сексуальная функция отличается особым химизмом от других телесных процессов, составляет, насколько я знаю, также одно из предположений Эрлиха в области биологических исследований.

Так как изучение влечений представляет непреодолимые трудности, если подходить к нему со стороны сознания, то психоаналитическое исследование психических нарушений остается главным источником наших знаний. Но, в зависимости от хода своего развития, психоанализ до сих пор мог дать нам более или менее удовлетворительные сведения только относительно сексуальных влечений, потому что он мог наблюдать эту группу влечений при психоневрозах, как бы в изолированном виде. С распространением психоаналитических исследований на другие невротические заболевания, несомненно, наши знания влечений «Я» станут более основательными, хотя, кажется, не следует ожидать, что в этой обширной области исследования условия окажутся столь же благоприятными для наблюдения, как в области неврозов перенесения.

По вопросу об общей характеристике половых влечений можно сказать следующее: они многочисленны, проистекают из разнообразных органических источников, действуют сначала независимо друг от друга и лишь в более поздний период объединяются в более или менее совершенный синтез. Целью, к которой стремится каждый из них, является наслаждение, доставляемое органам (Organlust); лишь после того, как синтез уже произошел, они начинают выполнять функцию сохранения рода, вместе с чем они получают признание как половые влечения. При первом своем появлении они присоединяются к влечениям самосохранения, от которых отделяются только постепенно, и при нахождении объекта следуют по тому пути, который указывается им влечениями «Я». Часть их на всю жизнь остается присоединенной к влечениям «Я», снабжая их либидозными компонентами, которые при условиях нормальной функции легко могут быть не замечены и ясно проявляются только благодаря заболеванию. Они отличаются очень большой способностью замещать друг друга и легко могут менять свои объекты. Вследствие этого свойства они могут проявляться в такой форме, которая очень далеко ушла от их первоначальных целей (сублимирование).

* * *

Мы должны будем ограничить исследование вопроса о судьбе, которой подвержены влечения в своем развитии в течение дальнейшей жизни индивида, сексуальными влечениями, так как последние нам лучше известны.

Наблюдения показывают нам, что эта судьба влечений может быть следующей:

Превращение в противоположное.

Обращение на собственную личность.

Вытеснение.

Сублимирование.

Так как я не намерен исследовать здесь вопросы о сублимировании, а вытеснению необходимо посвятить особую главу, то мне остается ограничиться описанием и обсуждением только двух первых пунктов. Принимая во внимание те мотивы, которые не дают возможности влечениям прямо проявляться, можно рассматривать судьбу влечений как своего рода отражение, защиту индивида против открытого проявления этих влечений.

При ближайшем рассмотрении превращение в противоположное распадается на два различных процесса: в поворот влечения от активности к пассивности и в превращение содержания его в противоположное. Так как оба процесса по существу своему различны, то их следует и рассмотреть отдельно.

Примерами первого процесса являются противоположные пары: садизм – мазохизм и любовь к подглядыванию – эксгибиционизм. Превращение касается только целей влечения; вместо активной цели (мучить, разглядывать) становится пассивная: быть мучимым, разглядываемым. Превращение содержания в противоположное имеет место только в одном случае превращения любви в ненависть.

Обращение против собственной личности становится нам понятным благодаря соображению, что мазохизм представляет из себя садизм, обращенный против собственного «Я», а эксгибиционизм включает в себя также рассматривание и собственного тела. Аналитические наблюдения не оставляют никакого сомнения в том, что мазохист наслаждается истязанием самого себя, а эксгибиционист – обнажением своего тела. Сущность процесса составляет, таким образом, перемена объекта при неизменности цели.

Мы не можем не заметить, что в этих примерах сталкиваются или совпадают обращение против собственной личности и обращение от активности к пассивности. Для выяснения взаимоотношения становится неизбежным более основательное исследование.

При противоположной паре садизм – мазохизм можно весь процесс изобразить следующим образом:

a) Садизм состоит в насилии, в проявлении своей мощи (силы) по отношению к другому лицу как объекту.

b) От этого лица отказываются и замещают его самим собой. Вместе с обращением против самого себя совершается и превращение активной цели влечения в пассивную.

c) Снова ищется новое лицо в качестве объекта, которое должно взять на себя роль субъекта вследствие изменившейся цели.

Последний случай представляет из себя обыкновенно так называемый мазохизм. Удовлетворение и при нем происходит путем первоначального садизма благодаря тому, что пассивное «Я» в фантазии становится на свое прежнее место, предоставленное теперь другому объекту. Безусловно, сомнительно, бывает ли также прямое мазохистическое удовлетворение. Первоначального мазохизма, не развившегося описанным путём из садизма, по-видимому, не бывает. Проявление же садистического влечения при неврозе навязчивости показывает, что предполагаемая ступень b не является излишней. Здесь имеет место обращение на самого себя, без пассивности по отношению к новому лицу. Превращение достигает только ступени b. Страсть мучить других превращается в самоистязание, наказание самого себя, но не в мазохизм. Активный глагол превращается не в пассивный, а в возвратный.

Понимание садизма затрудняется еще потому, что это влечение наряду с достижением своей общей цели (быть может, лучше: в пределах последней), по-видимому, стремится еще к специальному действию. Наряду с унижением, преодолением он стремится причинять боль. Однако психоанализ как будто показывает, что причинение боли не играет никакой роли между первичными активными проявлениями влечения. Садистический ребенок не принимает во внимание возможности боли и не намеревается ее причинять. Но раз превращение в мазохизм уже совершилось, то боли очень хорошо подходят к тому, чтобы составить пассивную

мазохистическую цель, так как у нас имеется достаточно оснований предполагать, что ощущения боли, как и всякие другие неприятные ощущения, передаются половому возбуждению и вызывают состояние наслаждения, для которого можно охотно мириться с неприятностью боли. А раз ощущение боли стало мазохистической целью, то возвратным путем может развиться и садистическая цель – причинение боли другому, которой можно наслаждаться, причиняя ее другому и одновременно мазохистически отождествляя себя со страдающим объектом. Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее полового возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста. Наслаждение болью является, таким образом, первоначально мазохистической целью, но оно может стать целью влечения только у первоначально садистического субъекта.

Для полноты освещения вопроса прибавлю, что сострадание не может быть описано как результат превращения влечения при садизме, а должно быть понимаемо как реактивное образование (реакция) против влечения.

* * *

К несколько иным, более простым результатам приводит исследование другой противоположной пары влечений, имеющих целью разглядывание и показывание себя (Voyeur и эксгибиционист на языке перверсий). И здесь можно установить те же ступени, как и в предыдущем случае: a) разглядывание в форме активного действия, направленного на посторонний объект; b) отказ от объекта, обращение влечения к разглядыванию собственного тела, а вместе с этим поворот к пассивности и появление новой цели: быть разглядываемым; c) введение нового субъекта, которому показываешь себя, чтобы «быть им разглядываемым».

Вряд ли можно сомневаться в том, что активная цель появляется раньше, чем пассивная, что разглядывание предшествует показыванию себя. Но значительное отличие от случая садизма заключается в том, что во влечении к разглядыванию можно различить еще более раннюю ступень, чем описанная под рубрикой a. Влечение к разглядыванию в начале своего проявления аутоэротично, оно хотя и имеет объект, но объект этот составляет собственное тело. Лишь позже оно производит замену этого объекта (путем сравнения) аналогичным объектом постороннего тела (ступень a). Эта предварительная ступень интересна тем, что от нее исходят оба противоположных положения окончательной пары, в зависимости от того, наступает ли изменение в тот или другой момент развития (до ступени a или в ступени b). Схема влечения к разглядыванию имеет приблизительно следующий вид:

разглядывать самому половой орган = разглядывать самому собственный половой орган;

разглядывать самому чужой объект (активное влечение к разглядыванию);

быть разглядываемым посторонним в качестве собственного объекта (наслаждение при показывании – эксгибиционизм).

Такой предварительной ступени нет у садизма, который с самого начала направлен на посторонний объект, хотя совсем не было бы бессмысленным сконструировать такую фазу, исходя из стараний ребенка овладеть своими членами.

К обоим рассматриваемым здесь примерам влечений относится замечание, что превращение влечения посредством поворота от активности к пассивности и обращения на самого себя никогда не распространяется на влечение во всем его объеме. Более позднее активное направление влечения в известной мере сохраняется наряду с более ранним, пассивным даже и в том случае, если процесс превращения влечения зашел очень далеко. Относительно влечения к разглядыванию самым правильным было бы сказать, что все ступени развития влечения, как предварительная аутоэротическая ступень, так и активная и пассивная конечные формы его, существуют одновременно, и это утверждение становится совершенно очевидным, если в основу своего суждения положить не действия, на которые влечение толкает, а механизм удо-

влетворения. Впрочем, быть может, было бы правильно держаться еще одного способа понимания и изложения этих явлений. Все проявления влечений можно разложить на отдельные, разделенные на временные промежутки и одинаковые за весь период данного (любого) промежутка толчки, относящиеся друг к другу, как, например, последовательные извержения лавы. В таком случае можно себе представить, что первый и самый первоначальный порыв влечения протекает без изменений и не претерпевает вообще никакого развития. Следующий порыв с самого начала подвергается изменению, вроде поворота в сторону пассивности, и присоединяется затем к прежнему течению, сохраняя свой новый характер пассивности, и так далее. Если бросить взгляд на данное влечение с начала его зарождения до определенного момента, то описанная последовательность порывов, толчков должна дать картину определенного развития влечения.

Тот факт, что в определенный поздний период развития влечения можно наблюдать его (пассивное) противоположное течение, заслуживает быть отмеченным и названным термином «амбивалентность».

Ход развития влечения становится нам понятным, если иметь в виду всю историю развития его и постоянство серединных ступеней. Опыт показывает далее, что размеры наблюдаемой амбивалентности меняются в высокой степени у индивидов, человеческих групп или рас. В ярко выраженной амбивалентности влечений у современного человека можно видеть архаическое унаследование, так как у нас есть основание полагать, что в первобытные времена известная часть непревращенных активных импульсов в проявлениях влечений была большей, чем теперь.

Мы уже привыкли называть нарциссизмом раннюю фазу развития «Я», когда половые влечения удовлетворяются аутоэротически, не исследуя пока вопроса о взаимоотношениях между нарциссизмом и аутоэротизмом. В таком случае мы должны сказать, что предварительная ступень влечения к разглядыванию, когда объектом разглядывания является собственное тело, относится к проявлениям нарциссизма, представляет из себя нарциссическое образование. Из этой ступени развивается активное влечение к разглядыванию благодаря тому, что оно разрывает с нарциссизмом, между тем как пассивное влечение к разглядыванию крепко держится нарциссического объекта. Точно так же превращение садизма в мазохизм означает возврат к нарциссическому объекту, между тем как и в том и другом случае нарциссический субъект заменяется другим посторонним «Я» посредством идентификации. Принимая во внимание конструированную нарциссическую предварительную ступень садизма, мы этим приближаемся к более общему взгляду, что судьба влечений, выражающаяся в обороте к собственному «Я» и в превращении из активности в пассивность, зависит от нарциссической организации «Я» и носит на себе печать этой фазы развития. Эта судьба, может быть, соответствует попыткам отражения, которые на более высоких ступенях развития «Я» достигаются другими средствами.

* * *

Тут мы должны вспомнить, что до сих пор наш разбор касался только двух противоположных пар: садизм – мазохизм и страсть к подглядыванию – страсть к показыванию себя. Это самые известные амбивалентно встречающиеся сексуальные влечения. Остальные компоненты позднейшей сексуальной функции еще не доступны в достаточной мере анализу, чтобы могли быть разобраны таким же образом. О них мы можем сказать в общем, что они проявляются аутоэротически, то есть что объект их исчезает, уступая место органу, являющемуся их источником, и обыкновенно совпадает с ним. Объектом страсти к разглядыванию, хотя сначала и составляющим часть собственного тела, является, однако, не сам глаз, а при садизме органический источник влечения – вероятно, активная мускулатура – определенно указывает на другой

объект, хотя бы и на собственном теле. При аутоэротических влечениях органический источник играет настолько решающую роль, что, согласно приемлемому предположению P. Federn'a и L. Jekels'a, форма и функция органа имеют решающее значение при определении активности и пассивности цели влечения.

Превращение влечения в его (материальную) противоположность наблюдается только в одном случае – при превращении любви в ненависть. Так как оба эти чувства особенно часто встречаются одновременно по отношению к одному и тому же объекту, то это одновременное существование представляет из себя самый лучший пример амбивалентности чувств.

Случай любви и ненависти приобретает особый интерес благодаря тому обстоятельству, что он не подходит под картину нашего описания влечений. Нельзя сомневаться в теснейшей связи между этими двумя противоположными чувствами и сексуальной жизнью, но нельзя согласиться со взглядом на способность любить, как на особое частичное влечение, подобное другим влечениям. Скорее следует видеть в способности любить выражение всего сексуального стремления полностью, но и это оказывается не совсем верным, и не знаешь, как понимать материальную противоположность этого стремления.

Любовь способна не только на одну, но на три противоположности. Кроме противоположности любить – ненавидеть, имеется еще другая: любить – быть любимым, и, кроме того, «любить» и «ненавидеть», вместе взятые, противопоставляются еще состоянию индифферентности или равнодушия. Из этих трех противоположностей вторая, то есть «любить – быть любимым», соответствует обороту от активности к пассивности и допускает возможность упрощения до одной основной ситуации, как страсть к разглядыванию. Эта ситуация гласит: любить самого себя, что для нас характеризует нарциссизм. В зависимости от того, происходит ли замена объекта или субъекта, получается активное стремление любить или пассивное стремление быть любимым, причем последнее остается близким к нарциссизму.

Может быть, можно приблизиться к лучшему пониманию различных противоположностей «любить», если принять во внимание, что душевной жизнью вообще владеют три полярности, противоположности:

субъект («Я») – объект (внешний мир);

удовольствие, наслаждение – неудовольствие;

активный – пассивный.

Противоположность «Я» – «не-Я» (внешнее) (субъект – объект), как мы уже упоминали, рано навязывается каждому живому существу благодаря сделанному наблюдению, что оно может успокоить внешние раздражения при помощи мускульных действий, а против раздражений влечений оно совершенно беспомощно. Особенно в своей интеллектуальной деятельности оно остается самодержавным, и этим создается основание для развития способности к исследованию внешнего мира, которое никакими стараниями не может быть изменено. Полярность наслаждение – неудовольствие связана с целым рядом ощущений, решающее влияние которых на наши поступки (волю) уже подчеркивалось. Противоположность активный – пассивный нельзя смешивать с противоположностью: «Я»-субъект – внешнее-объект. «Я» относится пассивно к внешнему миру, когда получает от него раздражения; и активно, когда реагирует на эти раздражения. Но к особенной активности по отношению к внешнему миру его вынуждают влечения, так что, подчеркивая самое существенное, можно сказать: «Я»-субъект относится пассивно к внешним раздражениям и активно благодаря собственным влечениям. Противоположность активный – пассивный сливается позже с противоположностью мужской – женский, которая до этого момента слияния не имеет никакого психологического значения. Спайка активности с мужественностью, пассивности с женственностью выступает перед нами как биологический факт; но она никоим образом не проявляется так исключительно и так сильно, как мы склонны полагать.

* * *

Эти три психические полярности вступают между собой в объединения, имеющие очень большое значение. В одной первичной психической ситуации сталкиваются две из них. Сперва, в самом начале душевной жизни, «Я» находится во власти влечений и отчасти способно удовлетворять на самом себе свои влечения. Это состояние мы называем нарциссизмом, а саму возможность удовлетворения – аутоэротической. Внешний мир в этот период жизни не привлекает к себе (вообще говоря) интереса и безразличен для удовлетворения влечений. В то время «Я»-субъект совпадает таким образом с тем, что дает наслаждение, внешний мир – с безразличным (иногда и неприятным как источником раздражения). Если мы охарактеризуем любовь пока как отношение «Я» к источникам своего наслаждения, то ситуация, в которой «Я» любит только самого себя и равнодушно к окружающему миру, выясняет первую из противоположностей, которую мы нашли по отношению к «любить».

«Я» не нуждается во внешнем мире, поскольку оно аутоэротично, но оно получает из этого мира объекты вследствие переживаний влечений к самосохранению и не может избежать того, чтобы не воспринимать в течение некоторого времени внутренних раздражений влечений как неприятных. Находясь во власти принципа наслаждения, «Я» проделывает дальнейшее развитие. Оно воспринимает в себя предлагаемые объекты, поскольку они являются источниками наслаждения, интроецирует их в себя (по выражению Ferenczi), а с другой стороны, отталкивает от себя все, что внутри него становится поводом к переживанию неудовольствия, неприятного (см. ниже механизм проекции).

Таким образом, оно из первоначального реального «Я», различавшего внутреннее и внешнее на основании объективного признака, превращается в чистейшее «наслаждающееся “Я”» (Lust-Ich), для которого признак наслаждения выше всего. Внешний мир распадается для него на часть, доставляющую наслаждение, которую оно восприняло в себя, и на остаток, чуждый ему. Из собственного «Я» оно отделило часть, которую отбрасывает во внешний мир и ощущает его как враждебный. После такой перегруппировки снова восстанавливаются обе полярности:

«Я»-субъект – с наслаждением.

Внешний мир – с неудовольствием (с прежним безразличием).

Вместе с проникновением объекта в ступень развития первичного нарциссизма достигает своего развития и вторая противоположность любви – ненависть.

Как мы слышали, объект преподносится «Я» из внешнего мира влечениями к самосохранению, и нельзя не согласиться с тем, что и первоначальный смысл ненависти выражает отношение к чужому, доставляющему раздражения внешнему миру. Индифферентность подчиняется ненависти, неблагосклонности как специальная форма ее, после того как она появлялась как ее предшественница. Внешнее, объект, ненавистное были сначала идентичными. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым, но в то же время сливается с «Я», так что для чистого «“Я”-наслаждение» объект опять-таки совпадает с чужим ненавистным.

Но теперь мы начинаем замечать, что, подобно тому как противоположная пара: любовь – индифферентность отражает полярность «Я» – внешний мир, так вторая противоположность, любовь – ненависть, воспроизводит связанную с первой полярность – наслаждение – неудовольствие. После того как чисто нарциссическая ступень сменяется ступенью объекта, наслаждение – неудовольствие обозначает отношение «Я» к объекту. Если объект становится источником ощущений наслаждения, то выявляется моторная тенденция, которая приближает объект к «Я», сливает его с «Я»; мы говорим тогда также о «притяжении», которое оказывает дающий наслаждение объект, и говорим, что мы любим этот объект. Наоборот, когда объект

становится источником неприятных ощущений, неудовольствия, то возникает тенденция увеличить расстояние между ним и «Я», повторить на нем первоначальную попытку бегства от посылающего раздражения внешнего мира. Мы ощущаем «отталкивание» объекта и ненавидим его; эта ненависть может впоследствии усилиться до склонности к агрессивным действиям против объекта, до намерения уничтожить его.

* * *

Можно было бы в крайнем случае сказать про какое-нибудь влечение, что оно «любит» объект, к которому стремится для своего удовлетворения. Но странно звучит для нас выражение, что влечение «ненавидит» объект, – и это обращает наше внимание на то, что отношения любви и ненависти неприменимы к отношениям влечений к своим объектам, а только к отношениям всего «Я» к объектам. Наблюдения над безусловно глубокими по своему смыслу оборотами нашей речи указывают нам на дальнейшие ограничения значения любви и ненависти. Относительно предметов, служащих целям самосохранения, не говорят, что их любят, а подчеркивают, что нуждаются в них, и выражают еще другого рода отношения, употребляя слова, обозначающие очень ослабленную степень любви, как, например: охотно делаю, нахожу приятным, мне нравится.

Слово «любить» все больше приближается к сфере чистых отношений наслаждения «Я» к объекту и в конце концов фиксируется на объектах, в тесном смысле сексуальных, и на таких объектах, которые удовлетворяют потребности сублимированных сексуальных влечений. Отделение влечений «Я» от сексуальных, которое мы навязали нашей психологии, оказывается, таким образом, в полном согласии с духом нашего языка. Если у нас нет привычки говорить, что отдельное сексуальное влечение любит свой объект, но находим самое большое соответствие в употреблении слова «любить» для обозначения отношений «Я» к своему сексуальному объекту, то наблюдение показывает нам, что применение этого слова для обозначения этих отношений начинается только с момента синтеза всех частичных влечений сексуальности под приматом гениталий и в целях функции продолжения рода.

Замечательно, что в употреблении слова «ненавидеть» не проявляется такая близкая связь с сексуальным наслаждением и с сексуальной функцией, а решающее значение, по-видимому, имеет только отношение неприятного, неудовольствия. «Я» ненавидит, испытывает отвращение, преследует с целью разрушения все объекты, которые становятся для него источником неприятного, независимо от того, лишают ли они его сексуального удовлетворения или удовлетворения потребностей самосохранения. Можно даже утверждать, что настоящие прообразы отношений ненависти исходят не из сексуальной жизни, а из борьбы «Я» за самосохранение и самоутверждение.

Любовь и ненависть, представляющиеся нам полными материальными противоположностями, находятся друг с другом все же не в простых взаимоотношениях. Они возникли не из расщепления чего-то, первоначально общего, а имеют различное происхождение и прошли – каждое чувство в отдельности – особое развитие до того, как сформировались в противоположности под влиянием отношений наслаждения – неудовольствия. Здесь перед нами возникает задача дать цельное и полное описание того, что нам известно о происхождении любви и ненависти.

Любовь берет свое происхождение из способности «Я» удовлетворять часть своих влечений аутоэротически, испытывая наслаждение от функции органов. Первоначально она нарциссична, затем переходит на объекты, которые сливаются с расширенным «Я», и выражает в виде источника наслаждения моторное стремление «Я» к этим объектам. Она тесно соединяется с проявлениями позднейших сексуальных влечений, и, после того как их синтез закончен, она совпадает с сексуальным стремлением в полном его объеме. Предварительные сту-

пени любви, оказывается, совпадают с временными переходными сексуальными целями в тот период, когда сексуальные влечения проделывают свое сложное развитие. Как первую из этих предварительных ступеней любви мы открываем стремление проглотить или сожрать, – вид любви, соединяющийся с прекращением отдельного существования объекта и поэтому заслуживающий названия амбивалентного. На более высокой ступени прегенитальной садистически-анальной организации стремление к объекту проявляется в форме стремления к овладению, которому безразлично, будет ли при этом поврежден или уничтожен объект. Эту форму предварительной ступени любви вряд ли можно отличить по ее отношениям к объекту от ненависти. Только по формировании генитальной организации любовь становится противоположностью ненависти.

Как проявление отношения к объекту ненависть старше любви, она соответствует самому первоначальному отстранению нарциссическим «Я» внешнего мира, доставляющего раздражения. Как выражение вызванной объектами реакции неудовольствия, ненависть сохраняет тесную связь с влечениями самосохранения, так что между влечениями «Я» и сексуальными влечениями легко могут образоваться отношения противоположности, повторяющей такое же отношение между ненавистью и любовью. Если влечения «Я» господствуют над сексуальными влечениями, как, например, на ступени садистически-анальной организации, то они придают и цели влечения характер ненависти.

История развития и отношений любви объясняет факт, что она так часто проявляется амбивалентно, то есть сопровождается ненавистью по отношению к тому же объекту. Примесь ненависти в любви отчасти происходит от не вполне преодоленной предварительной ступени любви, отчасти она вытекает из реакций отклонения этого чувства со стороны влечений «Я», которые могут оправдываться реальными и актуальными мотивами при столь частых конфликтах между интересами «Я» и любви. В обоих случаях, следовательно, примесь ненависти исходит из источников влечений к самосохранению. Если любовные отношения к какому-нибудь объекту обрываются, то нередко вместо них появляется ненависть, отчего у нас получается впечатление превращения любви в ненависть. Но более широкий, чем описанный, взгляд обнаруживает, что мотивированная реальными причинами ненависть усиливается еще вследствие регрессии любви на предварительную садистическую ступень, так что ненависть получает эротический характер и создается, таким образом, нерушимость любовных отношений.

Третья противоположность любви, превращение «любить» в «быть любимым» соответствует действию полярности активности и пассивности, и ее следует рассматривать так же, как случаи страсти к разглядыванию и садизма.

Обобщая, мы можем особенно подчеркнуть, что участь влечений состоит, в сущности, в том, что влечения подвергаются влиянию трех больших полярностей, господствующих в душевной жизни. Из этих трех полярностей активность – пассивность можно было бы назвать биологической, «Я» – внешний мир назвать реальной и, наконец, наслаждение неудовольствие, неприятное – экономической полярностями.

Приспособление к реальности
(Из статьи Зигмунда Фрейда «Положение о двух принципах психической деятельности»)

…В психологии, основанной на психоанализе, мы привыкли считать исходным моментом бессознательные душевные процессы, особенные свойства которых вскрываются перед нами при помощи анализа. Мы рассматриваем их как более старые, первичные, как остатки такой стадии развития, в которой они являлись единственной формой душевных переживаний. Высшую тенденцию, которой подчиняются эти первичные процессы, легко заметить. Она называется принципом удовольствия-неудовольствия (или, короче, – принципом удовольствия). Эти душевные процессы имеют стремление доставить себе удовольствие. От переживаний, могущих вызвать неудовольствие, психическая деятельность отвращается (вытеснение). Наши ночные сновидения, наше стремление наяву оторваться от гнетущих впечатлений – остатки господства этого принципа – доказывают его могущество.

Я повторю положение, подробно развитое мною уже в другом месте (в общей части «Толкования сновидений»), если укажу, что психическое состояние покоя первоначально было нарушено властными запросами внутренних потребностей, – в этом случае желанное выдвигалось просто в виде галлюцинации, как это и теперь еще еженощно происходит в наших сновидениях. И только отсутствие ожидаемого удовлетворения – разочарование – привело к отказу от такой попытки удовлетворения путем галлюцинации. Вместо этого психический аппарат должен был решиться представить себе реальные соотношения внешнего мира и стремиться к их реальному изменению. Таким образом, был введен новый принцип душевной деятельности. Представлялось уже не то, что приятно, а то, что действительно, даже если оно и неприятно. Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия.

1. Прежде всего, новые требования сделали неизбежным ряд приспособлений психического аппарата, на которые мы, вследствие недостаточных или не вполне проверенных знаний, можем указать только мимоходом.

Возросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними сознания, которое, помимо интересовавших до сих пор психику качеств – удовольствия и неудовольствия, научилось воспринимать и качества, определяемые органами чувств. Была выработана особая функция – внимание, в задачу которого входило периодически обследовать внешний мир, для того чтобы данные его наперед были известны, если появится неотвратимая внутренняя потребность. Эта деятельность идет навстречу впечатлениям чувств, вместо того чтобы ожидать их появления.

Весьма вероятно, что одновременно с этим была введена система отметок, которая должна была сохранять продукты этой периодически осуществляемой деятельности сознания, – часть того, что мы называем памятью.

Вместо вытеснения, исключавшего из нагрузки часть всплывающих представлений как вызывающих неудовольствие, возникло беспристрастное суждение, которое должно было решить, верно или неверно определенное представление, т. е. созвучно ли оно с реальностью, и решало это при помощи сравнения со следами воспоминаний о той же реальности.

Моторное проявление, служившее во время господства принципа удовольствия разгрузке душевного аппарата от добавочного раздражения и осуществлявшее эту задачу через направляемые внутрь тела иннервации (мимика, выявления аффекта), приобрело теперь новую функцию – обращение к целесообразному изменению действительности. Оно превратилось в действие.

Ставшая необходимой задержка моторного проявления (действия) осуществлялась процессом мышления, постепенно возникшего из представления. Мышление было снабжено свойствами, благодаря которым душевный аппарат мог перенести повышенное возбуждение, усилившееся от задержки проявления. По существу, это есть пробное действие, оперирующее с перемещением меньших количеств нагрузки при меньшей затрате (проявлении) последней.

Для этого стал необходимым перевод свободно перемещаемой нагрузки в связанную – и это последнее достигалось через поднятие общего уровня всего процесса нагрузки.

Первоначальное мышление было, вероятно, бессознательным, отличаясь от простого представления тем, что оно поднималось над ним и обращалось к отношениям между впечатлениями от объектов; оно получило дальнейшие для сознания ощутимые свойства только через связь с остатками слов.

* * *

2. По-видимому, существует общая тенденция нашего душевного аппарата, которую можно отнести к экономическому принципу сбережения: она выявляется в упрямом цеплянии за имеющиеся в ее распоряжении источники удовольствия и в трудности отказа от последних. С введением принципа реальности откололся вид мыслительной деятельности, свободной от критерия реальности и подчиненной исключительно принципу удовольствия, – это фантазирование, которое начинается еще с детских игр и, продолжаясь в виде сна наяву, совершенно отказывается от всякой опоры в реальных объектах.

3. Замена принципа удовольствия принципом реальности со всеми вытекающими отсюда психическими последствиями, схематически представленная нами в едином предложении, в действительности осуществляется не сразу и не одновременно по всей линии. В то время как стремления, связанные с личным Я (Эго), проходят этот путь развития, сексуальные стремления в значительной степени уклоняются от них. В ранней стадии развития половые влечения аутоэротичны. Они находят удовлетворение в собственном теле и поэтому не встречают отказа, который потребовал бы введения принципа реальности. Возникающий же у них впоследствии процесс отыскания объекта испытывает вскоре длительный перерыв благодаря возникновению скрытого периода, задерживающего половое развитие до наступления половой зрелости. Эти оба момента – аутоэротизм и скрытый период – влекут за собой задержку в психическом развитии полового влечения и этим самым сохраняют последнее на более продолжительное время под господством принципа удовольствия, от которого половое влечение у многих лиц уже никогда не может избавиться.

В результате устанавливается более тесная связь, с одной стороны, между половым влечением и фантазией, с другой – между влечениями Я (Эго) и деятельностью сознания. Эта связь оказывается как у здоровых, так и у невротиков очень тесной, несмотря на то что вследствие высказанных соображений из генетической психологии она должна быть отнесена ко вторичным явлениям.

Именно продолжающееся влияние аутоэротизма и создает условия для того, чтобы более легкое, мгновенное и фантастическое удовлетворение сексуальным объектом так долго предпочиталось реальному, требующему труда и отсрочки. Вытеснение остается всемогущим в царстве фантазии; оно в состоянии приостановить представления in statu nascendi, не доводя их до сознания, если включение их может дать повод к возникновению неудовольствия. Это и есть то слабое место нашей психической организации, при помощи которого мыслительные процессы, даже ставшие уже рациональными, могут вновь подводиться под господство принципа удовольствия. Значительная часть психических предрасположений к неврозу вызывается, таким образом, более поздним приспособлением полового влечения к соблюдению условия реальности и теми обстоятельствами, которые вызывают запоздание.

4. Как стремящееся к удовольствию Я (Эго) может только желать, искать удовольствия и избегать неудовольствия, так стремящееся к реальности Я (Эго) должно искать пользы и застраховать себя от вреда.

В действительности замена принципа удовольствия принципом реальности не означает вовсе устранения принципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям удовольствие устраняется только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное. Однако внутреннее психическое впечатление этой замены было до того велико, что оно отразилось в религиозном мире. Учение о награде на том свете за добровольный или вынужденный отказ от земных наслаждений не что иное, как мифическая проекция этого психического переворота. Религия смогла, последовательно руководствуясь этим примером, провести абсолютный отказ от земных радостей, суля возмещение в будущей жизни. Но этим путем не было достигнуто преодоление принципа удовольствия. Лучше всего удается это преодоление науке; впрочем, и она доставляет во время работы интеллектуальное удовольствие и обещает конечный практический выигрыш.

* * *

5. Воспитание может быть определено, без дальнейших оговорок, как побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности. Оно пытается помочь изложенному процессу развития Я (Эго), пользуясь при этом любовью воспитателей в виде награды, и поэтому не достигает цели, если избалованное дитя убеждено, что оно обладает этой любовью и без того и не может ни при каких обстоятельствах потерять ее.

6. Искусство своеобразным путем достигает примирения этих двух принципов. Художник – это человек, отвращающийся от действительности, потому что он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из этого мира фантазий он находит обратный путь в реальность, преображая, благодаря своим особым дарованиям, свои фантазии в новый вид действительности, который принимается человечеством как ценное отображение реальности. Таким образом, он становится действительно героем, королем, творцом, любимцем, каким он хотел стать, избавляясь от необходимости действительного изменения внешнего мира.

Это ему удается только потому, что другие люди, как и он сам, испытывают то же самое недовольство от требуемого в реальности отказа, и потому еще, что это недовольство само есть часть реальности.

7. В то время как Я (Эго) проделывает превращение из Я (Эго), стремящегося к удовольствию, в Я (Эго), стремящееся к реальности, сексуальные влечения претерпевают ряд изменений – от первоначального аутоэротизма через различные промежуточные фазы к направленной на объект любви, служащей функции размножения.

Если верно предположение, что каждая ступень этих обоих путей развития может стать базой какого-нибудь предрасположения к невротическому заболеванию, то напрашивается мысль поставить выбор формы позднейшего заболевания (выбор невроза) в связь с тем, в какой фазе развития Я (Эго) и либидо наступила предрасполагающая задержка. Таким образом, приобретает неожиданное значение – еще не исследованное – течение обоих процессов развития во времени и возможное передвижение их по отношению друг к другу.

8. Самое поразительное свойство бессознательных (вытесненных) процессов, к которому каждый исследователь привыкает только путем большого преодоления себя самого, заключается в том, что для них критерий реальности не имеет никакого значения: мыслимая реальность приравнивается к внешней действительности, желание – к осуществлению, к событию,

как это непосредственно вытекало из господства старого принципа удовольствия. Потому-то так трудно отличить бессознательную фантазию от ставших бессознательными воспоминаний.

Потому-то надо остерегаться ошибки, как бы не внести в вытесненные психические образования оценку из реального мира или недостаточно высоко оценить значение фантазий только потому, что они нереальны, или же пытаться вывести невротическое чувство вины из чего-нибудь другого на том основании, что нет налицо действительно совершенного преступления. Каждому вменяется в обязанность пользоваться той валютой, которая в исследуемой стране является господствующей. В нашем случае это невротическая валюта. Попробуем для примера истолковать такой сон. Человек, когда-то ухаживавший за своим отцом во время его длительной смертельной болезни, сообщает, что в последующие после кончины отца месяцы он не раз видел сон: «отец снова жив и беседует с ним, как обычно; при этом он сам, однако, очень болезненно переживает ощущение, что отец все-таки умер, но сам он об этом не знает». Нет другого пути к распознанию противоречивого на первый взгляд сна, как прибавление «по его желанию» или «вследствие его желания» после слов «что отец все-таки умер», и приставка «что он этого желал» к последним словам. Мысль сна тогда означает: ему неприятно вспоминать, что он должен был желать отцу смерти (как освобождения от страданий) еще при его жизни и «как было бы ужасно, если бы отец об этом мог догадаться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.